

Александр Коротков

Дату нападения Германии на Советский Союз разведчик Александр Коротков сообщил прямо из столицы Третьего рейха. Его называли "королем нелегалов". В трудное послевоенное время высокие звания разведчикам присваивали редко, а Александр Михайлович стал генералом. Руководил "нелегальным" управлением.

Он пользовался необыкновенным уважением своих подчиненных. Знаменитые теперь нелегалы Елизавета и Михаил Мукасей в беседах со мной называли его чуть не родным отцом. Считали, что настоящими разведчиками их сделал он и только он. Герой Советского Союза Геворк Вартамян говорил, что таких профессионалов, как Коротков, еще надо поискать. Полковник внешней разведки Африка де Лас Эрас рассказывала своим ученикам - будущим нелегалам: Коротков был не только великолепным организатором, бесстрашным разведчиком, но и теплым, отзывчивым человеком.

Между тем ничто не предвещало его триумфальной карьеры. Скромный паренек начинал учеником электромонтера. Безотцовщина, бедность, борьба за копейку. Он и отца-то своего, бросившего семью, ни разу в жизни не видел. А когда уже в зрелые годы представился случай с ним познакомиться, в последний момент избежал общения. Ведь еще мальчишкой обещал матери никогда с отцом не встречаться.

Паренек упорно цеплялся за каждый шанс выбиться из нужды. Возможно, когда-нибудь о легендарных кортах "Динамо" напишут исследование, где будет точно указано, когда и кто на них играл, попутно сделав карьеру в органах госбезопасности. Я и сам могу припомнить Героя России, атомного разведчика полковника Владимира Барковского, тренировавшегося тут до глубокой старости. Видел в трусах и майке еще одного видного руководителя разведки, скончавшегося прямо во время тренировки: теннис - из тех видов спорта, что незаметно вытягивает из человека все силы. Тут сражались старейший чекист России Борис Гудзь, начальник внешней разведки Леонид Шебаршин да еще столько известных и прославленных...

Коротков прекрасно освоил "буржуазный" теннис к 1927 году. Его настоящая жизнь началась на "Динамо" лет в 18, здесь же, на Петровке, и закончилась 27 июня 1961 года смертельным сердечным приступом. Мало прожил, много успел.

И то, что именно к нему подошел чекист Вениамин Герсон, знавший еще Дзержинского, это не просто перст Божий, но и заслуга юного Короткова. Он так хорошо "подкидывал" мячик завсегдатаям кортов - чекистам, что был замечен Герсоном, организовавшим общество "Динамо". Многолетний помощник Феликса Эдмундовича позвал Сашу прямо в ЧК, на саму Лубянку. По динамовскому Уставу спортсмены-динамовцы должны были или служить в органах, или обязательно работать в относящихся к этому обществу учреждениях. Только это и давало право выступать за "Динамо".

Короткова, конечно, не сразу взяли в чекисты. Для начала определили в хозяйственный отдел комендатуры. Но и для того, чтобы быть принятым в ОГПУ монтером по лифтовому оборудованию и лифтером, потребовалось личное поручительство Вениамина Леонардовича Герсона. Поэтому одна из книг Теодора Гладкова о генерал-майоре Александре Михайловиче Короткове и называется "Лифт в разведку".

Подъем по лубянской служебной лестнице был совершен словно на скоростном лифте. В этом, конечно, помогал и все тот же теннис, и более серьезный футбол, в котором у Короткова тоже были успехи. Но никакой спорт не вознес бы его на вершины, если бы не природная смекалка. В 1928-м он уже был делопроизводителем не где-нибудь, а в Иностранном отделе (ИНО). А в начале 1930-го - помощником оперативного уполномоченного, комсомольским секретарем и общественником.

И вдруг выяснилось, что помимо отличной физической подготовки и сообразительности долговязый паренек быстро осваивает иностранные языки. Немецкий он учил с пожилым носителем языка из Коминтерна, а французский - с милой девушкой Марией Вильковской, выросшей за границей. Она стала его первой женой и затем верной помощницей в нелегальных странствиях.

Однажды в конце 1990-х мне довелось мельком увидеться с дочерью Короткова и Вильковской - настойчивая, как и отец, статная,

уверенно отстаивающая собственную точку зрения. Немного за мать обиженная.

Но на первых порах индивидуальное обучение принесло быстрые плоды. В 1933-м "Длинный", таков по понятной причине один из первых оперативных псевдонимов Короткова, уже работал нелегалом в Париже. Учился в Сорбонне, выдавая себя за австрийца чешского происхождения.

В 1934 году в Париж на рабочую спартакиаду приехала сборная Москвы по футболу в составе которой играл старший брат Короткова Павел. Небритый (для конспирации) Александр Коротков, сидя в предпоследнем ряду переполненного стадиона, тихо болел за Павла. Об этой их встрече младший брат поведал старшему лишь годы спустя.

К тому времени он еще не сложившийся разведчик, но зато действующий нелегал, выезжающий, естественно, под чужим именем и в Италию, и в фашистскую Германию, где поддерживал связь с двумя ценными источниками.

В Париже студент пытался вербовать, не всегда удачно, французских офицеров. Одна из вербовок закончилась тем, что французы попытались выяснить, почему юный антрополог - такова была по легенде будущая профессия студента Сорбонны - активно интересуется офицерами их Генштаба. Это еще не провал, но Короткова отправили от греха подальше на родину. Это было в 1935 году.

В Союзе он долго не задержался. В начавшиеся чистки не попал, а поехал в Германию по линии нелегальной научно-технической разведки. Добывал образцы нового оружия. И понимал, что война с нацистской Германией неизбежна. Его сообщения в Центр доказывали: вооруженное столкновение двух систем - лишь вопрос времени.

Во Франции, куда его снова вернули в 1937 году, он занимался в основном политической разведкой. И еще, об этом известно не доподлинно, говорится глухо, уничтожением предателей и врагов советской власти. И работа в этих двух столь разных направлениях на удивление складывалась. Его коллег по закордонной разведке объявляли шпионами, расстреливали, а Александру Короткову вручили орден Красного Знамени.

И вдруг его вызвали в Москву. Берия в конце декабря устроил разнос группе чекистов, публично клеймя предателями. Среди них оказался и ошарашенный Коротков. Все молчали, а орденосеец Коротков попытался защититься от нелепых обвинений. На него все смотрели с ужасом: перечить Берии в этой среде было не принято.

Но за все за это Короткова "всего лишь" уволили из НКВД. А могли бы запросто расстрелять, отправить в лагерь. Другие "счастливчики", как ученик и дальний родственник самого Артузова Борис Гудзь, уходили в водители автобуса, молчали, тактично пережидали в преддверии лучших времен.

А Коротков еще и написал наркомку. Это послание никак не назовешь покаянным. Он никого не обвинял, но и не оправдывался, не клялся в любви к товарищу Сталину, а просил восстановить его в органах. Письмо было резкое, по тем страшным временам - дерзкое.

И Берия по непонятным причинам возвратил Александра Короткова. Как такое могло произойти? Ведь по логике Берии и прочих Коротков являлся типичным предателем. На Лубянку, пусть и в лифтеры, его взял Герсон, в 1938-м арестованный и в 1940-м расстрелянный. В Париже "Длинный" работал у резидента Орлова, сбегавшего на Запад. Попытка одной из вербовок закончилась выводом из Франции. Полный набор для предъявления обвинения по любимой Берией 58-й статье. Да, за вторую командировку во Франции Короткова наградили орденом. Но в 1939-м прямо обвинили в предательстве. И он, в отличие от других, молчащих ягнят, бурно против этого протестовал, обвинения отвергал, доказывал, что никакими врагами советской власти не завербован.

Логику его увольнения, как и возвращения, проследить сложно. Да и нет ее здесь. Если только предположить, что до всесильного Лаврентия Павловича дошло: лишь невинный человек способен на подобную дерзость. Или смелость. Вторая причина: Коротков продержался до 1939-го. Из органов уже были вычищены сотни и сотни. А на столе Берии лежала докладная записка проверяющих: связь Короткова с арестованным Герсоном не установлена.

Приближалась война, что Лаврентию Павловичу было совершенно понятно. Надо было кому-то и работать, восстанавливать связи, передавать и обрабатывать подготовленную источниками информацию. Особенно в Третьем рейхе.

В профессиональных качествах Александра Короткова сомнений не возникало. Степанов, таков был теперь псевдоним разведчика, не раз информировал об угрозе войны. И источники его Берия считал надежными. Короткова назначили заместителем начальника 1 - го отделения внешней разведки, где он, к ужасу, понял, что в последовательно зачищенных Ягодой, Ежовым и Берией резидентурах некоторых стран вообще не осталось его коллег. Да, пришли по набору новые, способные люди, но совсем неопытные. Даже в стране главного противника, Германии, резидентуру возглавлял дилетант Амаяк Кобулов, брат дружка Берии Богдана Кобулова. А помогали ему еще двое разведчиков. Немецким языком из всех троих владел лишь один. Каково это было сознавать Короткову, над которым в свое время подсмеивались, что он говорит с венским, так и было, акцентом.

И в конце августа 1940-го в Берлин по приказу наркома Берии отправляется на месяц, не больше, сотрудник Степанов. Полномочия, полученные лично от наркома, у него были самые широкие. Может действовать и через голову Кобулова. Пусть Сталин считает, что у Советского Союза в запасе еще год, а то и два. А Москве нужна объективная картина обстановки в столице Третьего рейха, о чем Степанов получил задание информировать Берию напрямую. Он мог откровенно высказывать в донесениях свои собственные суждения, если они даже расходились с мнением посла или резидента.

Как ни странно, Кобулова это положение устраивало. Пусть Степанов берет на себя всю ответственность. Ясно, что профессионал, но до поста резидента не дорос. Коротков тоже остался при своих. При таком раскладе Кобулов вряд ли рискнет вмешиваться в его работу.

Коротков постарался побыстрее установить, что стало с агентами, связи с которыми были на два-три года заморожены. Заморожены? Мягко сказано. По существу работа была парализована. Ведь даже когда агент "Корсиканец" приезжал в Москву в составе немецкой делегации, на него, ждавшего появления советских друзей, никто не вышел.

Коротков сумел разыскать правительственного советника Имперского министерства экономики Арвида Харнака, действовавшего под этим псевдонимом, и его жену, тоже нашего

агента Милдред, имевшую псевдоним "Японка". Короткова поразило своим мужеством старший сотрудник разведывательного отдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзен, псевдоним "Старшина". Оказалось, что в подпольной группе Харнака и Бойзена более шестидесяти человек, в основном антифашисты. Этот берлинский костяк "Красной капеллы" будет уничтожен через год после начала войны. Но прежде они успеют передать столько ценнейших сведений...

Коротков оставался единственным нерасстрелянным и непрессированным, кто знал Брайтенбаха - Лемана в лицо. И, соблюдая максимум предосторожности, вышел и на агента.

Вильям (Вилли) Леман был кадровым сотрудником гестапо, гауптштурмбаннфюрером СС. Никто его не вербовал. Он был, по терминологии спецслужб, инициативником, то есть предложил свои услуги советской разведке добровольно еще в 1929 году. Одно время в обязанности Лемана входило наблюдение за иностранными дипломатами, в том числе сотрудниками нашего постпредства, торгового представительства, других учреждений. Именно благодаря Леману удалось избежать арестов и вывезти из Германии нескольких советских разведчиков, попавших в поле зрения гестапо.

Коротков был приятно удивлен. Запросы Брайтенбаха отличались скромной разумностью. Скорее он работал на идейной основе. Лишь однажды, еще в 1930-х, когда Вилли сильно заболел, ему передали по приказу руководителя ИНО Артура Артузова солидную сумму денег на лечение. А потом, чтобы не вызывать подозрений, деньги эти остроумно легализовали: подстроили Леману выигрыш в тотализаторе на берлинском ипподроме... Брайтенбах, передавший, между прочим, в Москву информацию о первых испытаниях боевых ракет дальнего действия молодого инженера Вернера фон Брауна, был единственным нашим агентом в гестапо.

Выход на Лемана был совершен вопреки всем канонам разведки. Сначала Степанов - Коротков разыскал квартиру Лемана. На счастье, тот жил по старому адресу. Потом, дежуря у его дома по утрам, незаметно доводил до работы. Брайтенбах по-прежнему служил в гестапо. И только после этого условным, заранее оговоренным телефонным звонком вызвал на встречу - в маленькую пивную на окраине города, где двое скромно одетых мужчин вряд ли привлекли

бы внимание. Брайтенбах захватил с собой ценнейший документ: копию доклада начальника Главного управления имперской безопасности Гейдериха "Советская подрывная деятельность против Германии".

Леман был готов к продолжению сотрудничества, и Степанов передал его на связь сотруднику резидентуры Журавлеву.

Командировка "на месяц" затянулась. В Берлине Коротков провел полгода. Антифашисты из "Красной капеллы" и Брайтенбах постоянно предупреждали о том, что Гитлер готовится к войне, и Александр Михайлович, к тому времени назначенный заместителем резидента, передавал эту информацию в Центр. Строго говоря, их данные лишь подтверждали его тревожные опасения. Но с начала 1941-го сообщения о том, что война разразится совсем скоро, стали нарастать снежным комом. В мартовском донесении Короткова, адресованном лично наркому Берии, были и такие строки: "Решен вопрос о военном выступлении против СССР..." Сам разведчик был настолько убежден в достоверности информации, стекающейся к нему сразу из нескольких источников, что предложил принять немедленные меры для связи со своей немецкой агентурой во время войны. А Леман предупредил его, что сотрудники гестапо фактически переведены на казарменное положение. К тому же самому Брайтенбаху приказали переговорить с отставными ветеранами уголовной полиции: надо возвращаться на работу, на Востоке предстоят большие дела, куда и отправятся сотрудники из Берлина. А старым кадрам придется занять их место. Но не надолго. В результате блицкрига СССР будет разгромлен уже к зиме.

И в отличие от того, что пишут некоторые авторы, будто все тревожные сообщения игнорировались, информация от агентов Короткова воспринималась в Москве серьезно. Леману всегда доверяли.

Центр оценил работу "Старшины" и "Корсиканца". Для Хар-нака и его группы стали присылать с дипломатической почтой рации, шифры, коды, деньги... Но Коротков просто физически не смог передать антифашистам всю аппаратуру и немецкие марки, доставленные из Москвы во второй половине июня. А радист резидентуры не успел как следует обучить работе на рации немецких антифашистов.

Вилли Леман назвал точную дату нападения Германии. Утром в четверг 19 июня 1941 года в посольском кабинете выходящего на связь с Брайтенбахом сотрудника разведки Бориса Журавлева раздалась комбинация из двух звонков. Они различались определенным интервалом и продолжительностью. Такова была договоренность: звонили из двух разных телефонных автоматов, но расположенных близко друг от друга. Эти звонки означали срочный и категорический вызов на встречу. На нее мгновенно отправился не заместитель резидента Александр Коротков (так указано во многих публикациях), а его непосредственный подчиненный Борис Журавлев. Встреча длилась всего несколько минут. Создалось впечатление, что Брайтенбах даже забыл о правилах конспирации. Обычно сдержанный, он едва выдавил: "Война. Всё решено и бесповоротно. В воскресенье, 22-го. В три утра. По всей линии границы, с юга на север. Объявление будет формальное. Одновременно с первой бомбой. Прощайте, товарищ!" Так что вряд ли после всего этого можно десятилетиями говорить о "внезапности" фашистской агрессии.

Шифрограмма в Москву ушла немедленно, и чтобы придать ей, наиважнейшей, еще более солидный вес, не по линии резидентуры, а через дипломатическое представительство. На подготовку к войне у Советского Союза оставалось почти трое суток.

Когда началась война, Коротков находился в Берлине. И даже в эти дни успел немало. Хотя уже в три часа утра 22 июня здание советского посольства было оцеплено эсэсовцами в стальных касках и с карабинами в руках.

Единственным дипломатом, которому позволили выезжать в немецкий МИД по предварительной договоренности и в сопровождении начальника охраны посольства офицера СС Хайнеманна, был назначен Валентин Бережков - хороший друг Короткова.

Он и помог разведчику вырваться из посольства. Бережков переговорил с Хайнеманном, придумав версию, по которой Коротков хочет проститься со своей любовью - красавицей-немкой и передать ей подарок.

Возможно, даже вероятно, что эсэсовец понял: все это - игра. Однако Коротков был в курсе того, что Хайнеманн, руководивший охраной посольства уже два года, не проявлял неприязни к советским

дипломатам, охотно с ними беседовал. Так что был шанс, что он игру примет. Коротков деликатно переговорил с ним, предложив оставить в распоряжении эсэсовца свои накопления. Ведь при депортации из Германии советским гражданам разрешалось захватить с собой лишь чемодан с носильными вещами и сто марок. Коротков отдал Хайнеманну тысячу, сказав: пусть уж Хайнеманн на эти деньги оплатит свое парадное обмундирование, всё равно пропадать его маркам. Дважды, 22 и 24 июня, немец вывозил Короткова в город и высаживал где-нибудь около метро. Часа через два забирал в другом назначенном месте, и они возвращались в посольство. За это время Коротков звонил по телефону-автомату "Корсиканцу" и "Старшине", передавал инструкции, шифры, деньги...

Опасно смертельно. Ведь уже шла война, а советский разведчик расхаживает по Берлину. Окажись Хайнеманн провокатором, Короткова не спас бы никакой дипломатический паспорт. Он мог бы запросто исчезнуть и навсегда. Ведь формально Коротков всё время находился в посольстве. 2 июля, когда советские дипломаты уезжали из Берлина, они попрощались с начальником охраны. Тот дал понять, что знает: "красавица-немка" тут ни при чем. "Возможно, - сказал Хайнеманн, - мне придется когда-нибудь сослаться на эту мою услугу. Надеюсь, она не будет забыта".

После войны Коротков пытался разыскать Хайнеманна. Не сумел. Почти все члены "Красной капеллы", жившие в Берлине, были уничтожены. Но то, что сделали они, Коротков, другие наши разведчики, так или иначе приближало час Победы...

Вилли Леман был убит гестаповцами. Его судьба удивительна. Оберштурмфюрер СС, старший офицер гестапо Вилли Леман на Лубянке проходил сначала как А/201, а затем под именем Брайтенбах. И, знаете, что поразило лично меня больше всего? До чего же сложна - непредсказуема человеческая судьба. Педант, непревзойденный конспиратор, осторожнейший и опытнейший агент, не позволяющий себе ничего лишнего ни в разговорах, ни в выпивке, был умерщвлен в Доме смерти берлинской тюрьмы Плетцензее в конце 1942 года.

А его непутевый соратник и друг, бывший полицейский Эрнст Кур, он же Рауле, он же А/70, с помощью которого Леман и установил связь с нашими, вышел сухим из воды. Не просыхающий хронический алкоголик, выпивающий после получения денег от советской разведки

17 рюмок коньяку в разных пивных точках, нашпигованных сосисками и шпиками. Болтун, звонивший подшофе своему советскому куратору прямо домой и спрашивавший: как это по-русски "пролетарии всех стран..."? Человек, которого советская разведка вывезла на несколько лет в Швейцарию - только бы не навел, не выдал Лемана. Грубиян, на которого жаловалась в полицию сожительница и квартира которого несколько раз обыскивалась гестапо, ибо гражданскую жену заподозрили в коммунистических симпатиях... И этот Кур выжил, выдюжил, пишу об этом не без симпатии, и даже продолжил сотрудничество с советской разведкой в послевоенные годы. Он был вычеркнут из списков агентурной сети лишь в 1950 году, да и то по возрасту: бесшабашному агенту шел уже восьмой десяток.

А Леман, скромный, незаметный, был бесценен. И не потому, что оказался единственным в своем роде. Его эффективность, как стало понятно из рассекреченных архивных материалов, фантастическая. Неприметный "дядюшка Вилли" работал бок о бок с такими зловещими фигурами фашистских спецслужб, как Мюллер и Шелленберг, и ухитрился обмануть всех, всех до одного. Он напередавал в Центр ценнейших сведений на 28 томов! Предупреждал о готовящихся арестах советских разведчиков и агентов. Давал подробнейшие описания структур гестапо. Сообщал о политических планах Гитлера. А чего стоило одно лишь официальное вступление в члены СС. Леману, как и всем остальным, пришлось документально доказывать свое арийское происхождение вплоть до 1800 года, а чтобы претендовать на офицерское звание - до 1750-го! И все эти тщательнейшие проверки он прошел, был номинально зачислен в 44-й Берлинский штурмовой отряд СС.

Один из старейших работников гестапо назвал точную дату - 25 апреля 1941 года - предстоящего вторжения в Югославию. Это имело огромное значение: Гитлеру пришлось отсрочить войну с Советским Союзом. И теперь понятно, чем объясняется разницей в датах начала нападения на СССР, - о них регулярно передавали в Центр самые разные источники советской внешней и военной разведок.

То было последнее сообщение Брайтенбаха. Связь с ним была прервана. Впрочем, к весне 1942-го Центр не сумел восстановить ее ни с одним из своих берлинских агентов, в том числе участников мощной "Красной капеллы". Но, напомним, 5 августа 1942 года в район

между Брянском и Гомелем опустились на парашюте два советских агента - два немца антифашиста Хесслер и Барт. Через неделю пара радистов с двумя рациями, действовавшая под видом отпускников, добралась через Варшаву и Познань до Берлина. Она должна была восстановить связь с "Красной капеллой", а уж потом...

Видимо, была встреча с Брайтенбахом. Судя по всему, на нее отправился уже гестаповский агент: Хесслер и Барт были арестованы. Хесслер выдержал все пытки, не сказал ни слова. А Барт предал.

И Леман был арестован. Его громкий провал обозначал бы конец карьеры многих людей в гестапо, поэтому Мюллер сделал все потихому. О последних днях и часах Лемана известно мало. Кроме того, что замучили его в тюрьме Плетцензее. Жене Маргарет сказали, что ее муж скончался во время секретной командировки, а сообщение о его смерти появилось в официальном информационном бюллетене 29 января 1943 года...

Чтобы сохранить тайну, Маргарет Леман даже не тронули. Сразу после войны ее отыскал в Берлине полковник Александр Коротков. Добился для вдовы агента Брайтенбаха усиленного продовольственного пайка. Еще через несколько лет Александр Коротков, генерал и руководитель советской нелегальной разведки, вручил Маргарет Леман в присутствии нескольких своих сотрудников золотые часы с надписью "На память от советских друзей".

Коротков относительно благополучно выехал из Берлина. Эшелон с интернированными советскими дипломатами прибыл в Москву в июле 1941-го. Александр Михайлович тут же включился в работу. Возглавил немецкий отдел внешней разведки. Он отвечал за заброску разведчиков и наших агентов в Германию и в страны, поддерживавшие нацистов.

Коротков организовал специальную школу, где готовились для заброски в фашистский тыл советские нелегалы. Ему довелось побывать в Афганистане. Установив тесные связи с английской разведкой, он предотвратил готовившийся там фашистский переворот. Несколько раз полковник Коротков ездил в Югославию, встречался с Тито, передавал считавшемуся тогда верным нашим другом маршалу личные послания Сталина. Есть основания считать, что Коротков работал и за линией фронта.

Мне лицо Короткова хорошо знакомо. Я всегда всматриваюсь в кадры кинохроники, снятой в момент подписания Акта капитуляции фашистской Германии в Карлсхорсте. Ведь там присутствовал и мой отец - фронтовой корреспондент Совинформбюро и "Известий". И всегда вижу высокого офицера - полковника, стоящего рядом с растерянным Кейтелем. Это - Александр Коротков.

После войны Коротков возглавил нелегальную разведку. Затем помогал создавать органы безопасности в ГДР.

Но отношения с председателем КГБ СССР Александром Шелепиным у него не сложились. Их взгляды на положение в Германии были противоположны. В 1961-м после разговора с Шелепиным генерал-майор Коротков был почти уверен: из разведки ему придется уйти. Но на следующий день на заседании в ЦК КПСС откровенный и стратегически обоснованный доклад генерал-майора Короткова о сложнейшей ситуации в ФРГ и ГДР был неожиданно встречен с пониманием. Шелепин от выступления отказался. Вопрос об увольнении в такой обстановке был неуместен.

И Александр Михайлович отправился снимать стресс на свои любимые динамовские корты. О матче с партнером - начальником ГРУ генералом армии Иваном Серовым вспоминали потом многократный чемпион СССР по теннису Борис Новиков и его сын Андрей - корреспондент ТАСС. Коротков играл спокойно, уверенно подавал, передвигался по корту. Допустив две двойные ошибки на своей подаче, подошел к сетке. И упал как подкошенный. Новиков быстро подбежал к нему. Коротков был мертв - разрыв аорты.